

УДК 316.334.3:327(73)

Категория «Другой» в социологии международных отношений и ее вариации во внешнеполитической стратегии США¹

Арсентьева Ирина Ильинична

Доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений и внешней политики России,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: airen1@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается категория «Другой» в конструктивизме как одном из наиболее важных направлений социологии международных отношений. Конструктивизм ставит во главу угла не национальные интересы, а идентичности – своеобразные «Я-концепции», вырабатываемые одним государством по отношению к другим. Динамика восприятия «Другого» может реализовываться в двух моделях: толерантная – «Я-Другой-Иной»; интолерантная – «Я-Другой-Чужой-Враг». В последнем случае образ «Другого» используется правящей элитой для оправдания применения «жесткой силы», поэтому зачастую намеренно искажается. Неприятие идентичности и поведения «Другого» выступает одной из причин международных конфликтов. При этом интолерантная модель позволяет решать не только внешнеполитические, но и внутривнутриполитические задачи: происходит сплочение населения, формируется положительное отношение к правительству и реализуемому им политическому курсу, т. е. перед лицом внешнего врага укрепляются национальная и государственная идентичности. Другими словами, происходит усиление собственной идентичности за счет утверждения отрицательного образа «Другого». Подобный подход наиболее отчетливо прослеживается в политике Соединенных Штатов Америки. В этой связи в статье анализируются негативные (интолерантные) вариации «Другого» в документах, определяющих направленность американской внешней политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Арсентьева И.И. Категория «Другой» в социологии международных отношений и ее вариации во внешнеполитической стратегии США // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 3А. С. 360-368.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-37-01208.

Ключевые слова

Конструктивизм, идентичность, «Другой», международные отношения, внешняя политика, США, Стратегия национальной безопасности.

Введение

Социология международных отношений, возникшая на стыке международно-политических и социологических концепций, уделяет значительное внимание исследованию роли в мировой политике идентичностей как результата сложных интересусубъективных взаимодействий. В этой связи широкое распространение получила категория «Другой» и ее различные вариации, отражающие восприятие отдельным государством других стран и выстраивание на этой основе соответствующих внешнеполитических стратегий.

Главная цель работы – анализ категории «Другой» в конструктивизме как одном из направлений социологии международных отношений, а также выявление негативных (интолерантных) вариаций «Другого» в документах, определяющих характер и направленность внешней политики США.

«Другой» в конструктивизме

В максимально общем понимании «Другой» – это не «Я», тот, кто противостоит мне, находится по другую сторону ценностей, идей, мировоззрения. Эта универсальная смысловая категория предполагает деление людей/социальных групп/общества на «Своих» и «Чужих». Первые имеют общие черты, точки соприкосновения; отношения со вторыми характеризуются чуждостью, а зачастую враждебностью. Проблематизация данного феномена возможна как на онтологическом, так и на социальном уровнях, поэтому происходит в разных отраслях гуманитарных и социальных наук, в том числе в социологии международных отношений и в таком ее направлении, как конструктивизм.

Конструктивизм, совершивший своего рода «революцию» в теоретическом осмыслении международных отношений, ставит во главу угла не национальные интересы, а идентичности – своеобразные «Я-концепции», вырабатываемые одним государством по отношению к другим. При этом принято различать национальную идентичность и идентичность государства. Первая, отмечает В.В. Кочетков, означает эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [Кочетков, 2010, 16]; вторую можно определить как «устойчивые, связанные с конкретной ролью осмысления и ожидания..., которые основываются на теориях, коллективно разделяемых участниками по поводу себя и других» [там же, 20], а значит, влияют не только на жизнь внутри государства, но и на его взаимодействие с другими акторами международных отношений.

Отсюда вытекает очевидная взаимосвязь понятий «идентичность» и «Другой». Неслучайно О.В. Попова определяет последнюю категорию как установку сознания, связанную с самоопределением в социальном и политическом пространстве на основе выделения отдельных личностей, групп или институтов, задающих границы идентичностей [Попова, 2012].

Динамика восприятия «Другого» может реализовываться в двух моделях: толерантная – «Я-Другой-Иной», интолерантная – «Я-Другой-Чужой-Враг» [Морозова, 2015, 122]. В последнем случае образ «Другого» используется правящей элитой для оправдания применения «жесткой силы», поэтому зачастую намеренно искажается (демонизируется и криминализируется), в том числе в выступлениях официальных лиц и внешнеполитических документах.

Негативные (интолерантные) вариации других государств – противники и враги. Для правительства, оперирующего в своей внешнеполитической стратегии подобными понятиями, ключевое отличие между ними заключается в следующем. Интересы противников носят выраженный конфликтогенный характер, однако при определенных условиях вероятно достижение компромисса. Компромисс же с врагом невозможен, это *zero-sum game*, т. е. антагонистическая игра с нулевой суммой. В данном случае необходима не «политика умиротворения», а жесткое воздействие (например, посредством экономических санкций или военной силы).

Неприятие идентичности и поведения «Другого» выступает одной из причин международных конфликтов. При этом интолерантная модель позволяет решать не только внешнеполитические, но и, что еще более важно, внутривнутриполитические задачи. Например, на этой основе происходит сплочение населения, формируется положительное отношение к правительству и реализуемому им политическому курсу, т. е. перед лицом внешнего врага укрепляются национальная и государственная идентичности. Другими словами, происходит усиление собственной идентичности за счет утверждения отрицательного образа «Другого». Подобный подход наиболее отчетливо прослеживается во внешнеполитической линии Соединенных Штатов Америки.

Интолерантные вариации «Другого» во внешнеполитической стратегии США

Официально союзниками США являются участники военно-политического блока НАТО. Для обозначения союзников вне НАТО используется понятие *major non-NATO ally* (MNNA). Перечень подобных государств формируется с 1989 года. Тогда такой статус получили Австралия, Египет, Израиль, Япония, Республика Корея. Всего на текущий момент в официальный список входят 16 государств (последним MNNA в 2015 году стал Тунис). Менее значимую роль играют стратегические партнеры, которых у США достаточное количество, но в то же время этот статус очень зависим от международной конъюнктуры.

Однако больший интерес для характеристики внешней политики США представляет интолерантная модель восприятия идентичности и поведения «Другого». С окончанием холодной войны эксперты разошлись в оценках последствий произошедшего: одни заговорили о «конце истории» в фукуямовском понимании, другие прогнозировали, что США в скором времени найдут нового врага. И действительно, Дж. Буш-старший, комментируя 2 августа 1990 года вторжение Ирака в Кувейт, обозначил угрозу общепланетарного масштаба – *renegade regimes* («государства-отступники/государства-изменники»), в отношении которых правомерно использование силы [George Bush Remarks..., 1990, www].

В первой половине 1990-х годов Э. Лэйк, советник президента США по национальной безопасности, закрепил на концептуальном уровне понятие *backlash states* – «реакционные государства», которые ставят себя вне «семьи» демократических стран и демонстрируют хроническую неспособность конструктивно взаимодействовать с миром. Это Куба, Северная Корея, Иран, Ирак и Ливия. Хотя их политические системы различаются, тем не менее можно выделить ряд общих черт: удержание власти посредством принуждения, подавление прав человека, продвижение радикальной идеологии, дорогостоящие военные программы, попытки завладения оружием массового уничтожения (ОМУ) и т. д. [Lake, 1994, www].

Спустя некоторое время словосочетание *backlash states* было заменено в американском политическом лексиконе на *rogue states* (буквально «государства-негодяи», но закрепился перевод «государства-изгои»). На рубеже XX-XXI веков в связи с потеплением «международного климата» произошло восходящее движение по «шкале толерантности», что нашло отражение в понятии *states of concern* («государства, вызывающие озабоченность/тревогу»). Однако, как заявил тогдашний глава Министерства обороны У. Коэн, приоритетом является защита американских граждан от «безответственных стран», и не имеет значения, как их называть [Цит. по: Бартенев, 2009, www].

События сентября 2001 года и провозглашенная Дж. Бушем-младшим глобальная война с терроризмом возродили понятие *rogue states*. В Стратегии национальной безопасности, обнародованной в сентябре 2002 года, подобным государствам был посвящен отдельный (пятый) раздел. Там подчеркивалось, что ничто не может соперничать с угрозой, которую представлял Советский Союз, но, тем не менее, в настоящее время *rogue states* представляют огромную угрозу международной стабильности и безопасности. При этом были обозначены критерии их идентификации: использование национальных ресурсов для личного обогащения правителей, неуважение к нормам международного права и международным договорам, агрессия по отношению к соседним государствам, стремление получить ОМУ и новейшие военные технологии для реализации агрессивных замыслов, спонсирование терроризма по всему миру, отрицание базовых человеческих ценностей, ненависть к США и ко всему, что они поддерживают.

В этой связи предлагался отказ от доктрины сдерживания времен холодной войны в пользу превентивного удара, т. е. действий на опережение: укрепление союзов, установление партнерских отношений с бывшими противниками, инновации в использовании во-

оруженных сил и военных технологий, создание эффективной системы противоракетной обороны, усиление акцента на сборе и анализе разведанных, ужесточение контроля за режимом нераспространения ОМУ и т. д. [National Security Strategy, 2002, www].

Интересно, что еще до обнародования Стратегии-2002 в ежегодном обращении президента к Конгрессу от 29 января того же года было использовано понятие *axis of evil* – «ось зла»². В качестве «осевых стран», спонсирующих, по мнению Вашингтона, терроризм или ведущих разработки в области ОМУ, были обозначены КНДР, Ирак и Иран [The President's State of the Union Address..., 2002, www]. Спустя три месяца Дж. Болтон, заместитель госсекретаря по контролю над вооружениями, добавил к «оси зла» Ливию, Сирию и Кубу [Bolton, 2002, www]. С этого времени понятия *rogue states* и *axis of evil* стали взаимозаменяемыми.

Стратегия национальной безопасности, опубликованная в марте 2006 года, была несколько толерантнее в оценках, но в ней по-прежнему доминировал принцип унилатерализма при принятии внешнеполитических решений. Серьезные, на первый взгляд, изменения произошли в Стратегии-2010, подготовленной администрацией Б. Обамы. Документ обосновывает взаимодействие со старыми и потенциальными союзниками и партнерами во всех регионах мира, отказ от односторонних действий, дипломатические методы в противовес военным, акцентирование на внутригосударственных вызовах и угрозах. Однако, по мнению большинства экспертов, это было продиктовано не изменением характера американской внешней политики, а объективным ослаблением позиций Вашингтона на мировой арене. За этим последовало расширение круга «союзников-противников». Краткосрочные и среднесрочные внешнеполитические цели вынуждают Вашингтон сотрудничать с подобными странами, закрывая глаза на то, что зачастую проводимая ими политика не только нарушает права человека и противоречит демократическим (в понимании американцев) ценностям, но и не отвечает долгосрочным интересам США.

Что касается Стратегии-2015, то эксперты сходятся во мнении, что важнейший документ в области внутри- и внешнеполитического планирования носит «размытый» характер, в нем нет конкретики. При этом подчеркивается необходимость воздействия на «безответственные государства», развязывающие агрессию, участвующие в нелегальном распространении ОМУ, провоцирующие насилие и попирающие нормы международного права. В отношении таких стран необходимо установление многосторонних санкционных режимов в рамках ООН, но в то же время Соединенные Штаты должны быть готовы в случае необходимости действовать самостоятельно. В тексте Стратегии 15 раз упоминается Россия, в основном в сочетании с негативными по смыслу словами «агрессия», «пропаганда», «санкции» и т. д. [National Security Strategy, 2015, www].

Следующий вариант Стратегии, вероятнее всего, будет обнародован новой администрацией в 2018-2019 годах. Однако уже сегодня можно предположить, что документ будет носить

2 Общеизвестно, что «осью» именуют страны фашистского блока (ось Берлин – Рим – Токио), а Р. Рейган обозначал схожим понятием – *evil empire* – Советский Союз с его коммунистической идеологией.

более жесткий, непримиримый характер, что наглядно доказывают сегодняшние заявления американского истеблишмента в адрес КНДР, Сирии, Ирана, а также России и Китая. Другими словами, вновь будет наблюдаться преобладание интолерантной модели восприятия политики других стран, не разделяющих позицию Вашингтона по тем или иным вопросам.

Заключение

США, пользуясь доминирующим положением в системе международных отношений и мировой политики, продолжают навешивать «ярлыки» на другие государства, ограничивать самостоятельность их внешней и внутренней политики, формировать негативное отношение к ним, полагая, что имеют на это моральное право, укрепляя тем самым собственную идентичность.

В данной связи уместно привести мнение Т. Грэма, работавшего в администрации Дж. Буша-младшего. Бывший советник по России подчеркивает, что американский подход всегда заключался в том, чтобы определить главного врага и строить на этом внешнюю политику. Во время холодной войны таковым являлся Советский Союз, в отношении которого проводилась политика сдерживания. После распада «империи зла» Вашингтон продолжил действовать в рамках привычной внешнеполитической парадигмы. Однако пришло время понять, что главная внешняя угроза для США – это мировой беспорядок, а не Китай, Россия или кто-то еще. Вопрос, на который необходимо найти ответ, заключается в том, как выстроить с новыми центрами сил отношения, которые работали бы на пользу США. Но подобная конфигурация должна отвечать интересам и других участников международных отношений, в противном случае она не принесет ожидаемых результатов [Грэм, 2016, www].

Библиография

1. Бартенев В.И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/008.htm>
2. Грэм Т. США не могут найти главного врага // Россия в глобальной политике. 26.05.2016. URL: <http://globalaffairs.ru/diplomacy/Sovetnik-Busha-mladshego-SShA-ne-mogut-naiti-glavnogo-vraga-18185>
3. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5-26.
4. Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа Другого/Чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 121-128.
5. Попова О.В. Образ «Другого» // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2012. С. 190.

6. Bolton J.R. Beyond the Axis of Evil: Additional Threats from Weapons of Mass Destruction Remarks to the Heritage Foundation, Washington DC, May 6, 2002 // The US Department of State. URL: <https://2001-2009.state.gov/t/us/rm/9962.htm>
7. George Bush Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado, August 2, 1990 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18731>
8. Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. 1994. Mar./Apr. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states>
9. National Security Strategy 2002 (published: September 17, 2002) // National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/>
10. National Security Strategy 2015 (published: February 6, 2015) // National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/>
11. The President's State of the Union Address the United States Capitol, Washington DC, Jan. 29, 2002 // The White House. President George W. Bush. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>

The category "Other" in the sociology of international relations and its variations in the US foreign policy strategy

Irina I. Arsent'eva

Doctor of Political Sciences,
Professor at the Department of international relations and foreign policy of Russia,
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky,
410012, 83 Astrakhanskaya st., Saratov, Russian Federation;
e-mail: airen1@yandex.ru

Abstract

The article considers the category "Other" in constructivism as one of the most important areas of the sociology of international relations. Constructivism focuses not on national interests, but on identities – peculiar "Self-concepts", developed by one state in relation to others. The dynamics of perception of the "Other" can be realized in two models: tolerant – "Self-Other-Different"; intolerant – "Self-Other-Stranger-Enemy". In the latter case, the image of "the Other" is used by the ruling elite to justify the use of "hard power", so it is often deliberately distorted. The rejection of the identity and behavior of the "Other" is one of the causes of international conflicts. At the same time, the intolerant model allows solving not only foreign policy but also internal political tasks. There is a rallying of the population, a positive attitude

towards the government and the political course, that it implements, is formed. That is, in the face of an external enemy, national and state identity is strengthened. In other words, there is an intensification of one's own identity by affirming the negative image of "the Other". This approach is most clearly traced in the policy of the United States of America. In this connection, the author analyzes the negative (intolerant) variations of "the Other" in documents that determine the direction of American foreign policy.

For citation

Arsent'eva I.I. (2017) Kategoriya "Drugoi" v sotsiologii mezhdunarodnykh otnoshenii i ee variatsii vo vneshnepoliticheskoi strategii SShA [The category "Other" in the sociology of international relations and its variations in the US foreign policy strategy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (3A), pp. 360-368.

Keywords

Constructivism, identity, "Other", international relations, foreign policy, USA, National Security Strategy.

References

1. Bartenev V.I. (2009) Kontseptsiya "gosudarstv-izgoev" vo vneshnei politike SShA [The concept of "rogue states" in US foreign policy]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], 7 (19). Available at: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/008.htm> [Accessed 27/05/17].
2. Grem T. (2016) SShA ne mogut naiti glavnogo vruga [The US can not find the main enemy]. *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global politics], 26th May. Available at: <http://globalaffairs.ru/diplomacy/Sovetnik-Busha-mladshego-SShA-ne-mogut-naiti-glavnogo-vruga-18185> [Accessed 27/05/17].
3. Kochetkov V.V. (2010) Identichnost' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie osnovy i rol' v mirovoi politike [Identity in international relations: Theoretical foundations and role in world politics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Moscow University journal of world politics], 1, pp. 5-26.
4. Morozova E.V. (2015) Degumanizatsiya kak tekhnologiya formirovaniya obraza Drugogo/ Chuzhogo v politike [Dehumanization as a technology of formation of the image of the Other/ Stranger in politics]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian journal of social sciences], 6, pp. 121-128.
5. Popova O.V. (2012) Obraz "Drugogo" [The image of "the Other"]. In: *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and identity policy. V. 1]. Moscow: ROSSPEN Publ., p. 190.

6. Bolton J.R. (2002) Beyond the axis of evil: Additional threats from weapons of mass destruction remarks to the heritage foundation, Washington DC, May 6, 2002. *The US Department of State*. Available at: <https://2001-2009.state.gov/t/us/rm/9962.htm> [Accessed 27/05/17].
7. George Bush Remarks at the Aspen Institute Symposium in Aspen, Colorado, August 2, 1990. *The American Presidency Project*. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18731> [Accessed 27/05/17].
8. Lake A. (1994) Confronting Backlash States. *Foreign Affairs*, Mar./Apr. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/confronting-backlash-states> [Accessed 27/05/17].
9. National Security Strategy 2002 (published: September 17, 2002). *National Security Strategy Archive*. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> [Accessed 27/05/17].
10. National Security Strategy 2015 (published: February 6, 2015). *National Security Strategy Archive*. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> [Accessed 27/05/17].
11. The President's State of the Union Address the United States Capitol, Washington DC, Jan. 29, 2002. *The White House. President George W. Bush*. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> [Accessed 27/05/17].